

Вместо вступления

Леонид Люкс

Стремление «забытой части» старого континента к «возвращению в Европу» на примере послеялтинской Польши, Евромайдана и Русских европейцев

25 лет тому назад, 6-го февраля 1989 г., в Варшаве начались переговоры за «круглым столом» между правительством и оппозицией, которые оказались своего рода прологом к мирному демонтажу коммунистических режимов во многих странах Восточного блока, к одному из самых неожиданных событий завершившегося недавно 20-го века. Нельзя забывать, что это «короткое столетие» часто определялось как эпоха крайностей, лагерей или же тоталитарного насилия. В связи с этим тот факт, что век этот закончился, как правило, мирными и относительно успешными антиавторитарными и антитоталитарными революциями, рассматривается многими как своего рода «политическое чудо». Главным стимулом этих революций было стремление «забытой части» старого континента, находившейся по ту сторону «железного занавеса», преодолеть раскол Европы, символом которого была «Ялта». События вокруг киевского Евромайдана показывают, что процесс преодоления этого раскола, начавшийся 25 лет тому назад в Польше, все еще не завершен.

Почему Польша была первопроходцем в борьбе за демократизацию закрепощенной коммунистами восточной части европейского континента? Можно ли провести какие-то параллели между борьбой польской оппозиции против всемогущего государства и антиавторитарной революцией, начавшейся в Киеве в ноябре 2013 года? Этим вопросам посвящен этот очерк, который будет своего рода вступлением к спецсекциям *Форума*, основной темой которых является стремление стран бывшего Восточного блока к «возвращению в Европу». Начну с Польши.

Чем можно объяснить уникальность ее развития после 1945 года? Многие исследователи объясняют впечатляющие успехи польского общества в борьбе против абсолютистских притязаний коммунистического режима присущим полякам стремлением к свободе, приверженностью к демократической традиции, или же

опытом борьбы против чужеземного господства. Но эти объяснения не удовлетворяют. Ведь демократические традиции в Чехии были еще глубже укоренены, чем в Польше, а венгры обладают не меньшим опытом борьбы против иностранного господства, чем поляки. Поэтому, чтобы объяснить уникальность польского развития по ту сторону воздвигнутого в 1945 «железного занавеса», надо упомянуть еще один феномен – это польский католицизм.

1. Церковь и государство в «послеялтинской» Польше

В лице польского католицизма коммунисты столкнулись с внутрисполитическим конкурентом, который не эпизодически, а постоянно ограничивал их всемогущество. Дело было вовсе не в том, что польский католицизм отличался особой воинственностью. Успех польской церкви в борьбе за выживание зависел прежде всего от поразительной гибкости влиятельных слоев польского духовенства. Разумеется, что одного только этого было недостаточно. Церкви в других странах восточного блока тоже попытались противопоставить фронтальному наступлению новой власти готовность к компромиссам и сотрудничеству. Однако им все же пришлось поплатиться своей самостоятельностью. Опасаясь соперничества, новая власть везде и всюду изгоняла Церковь из общественной жизни.

В позиции Польской Церкви же отличительной чертой была связь между готовностью к компромиссам и твердостью во всем, что касалось основополагающих принципов ее этики и мировоззрения. Когда власть имущие пытались на них посягнуть, им в ответ звучало: «Только до этой черты – и ни шагу дальше». Если вспомнить, насколько радикально Польская Церковь отвергала большевизм до 1945 г., то тем более удивляет та гибкость, которую она проявила после войны. Кардинал Хлонд, глава Католической Церкви Польши, сразу же после войны вступил в переговоры с партией, которую он же в 1936 г. называл величайшей угрозой для католической этики – силой, оскорбляющей человеческое достоинство больше, чем какая бы то ни было другая политическая организация¹.

Но не были ли подобного рода мысли в те времена общим местом для католического мира? Да, конечно. Но при этом нельзя забывать, что в Польше противостояние большевиков и католиков, помимо общего характера, имело и одну особенность: оно опиралось на опыт более чем 120-летней борьбы против угнетения со стороны России. Воспоминания об этом придавали особую чувствительность стране на берегах Вислы в отношении экспансионистских устремлений ее восточного соседа. Позиция Москвы после 1939 г. отнюдь не способствовала снижению антибольшевистских настроений в Польше. Чего стоят лишь такие события, как пакт Молотова–Риббентропа, вторжение советских войск в Восточную

¹ August Kardynał Hlond, Prymas Polski. Listy Pastorskie. Poznań, 1936. P. 200-201.

Польшу 17 сентября 1939 г., Катынь и нежелание Сталина поддержать Варшавское восстание августа–октября 1944 г.

Несмотря ни на что, польское церковное руководство готово было, однако, пойти на компромисс с победителями Третьего Рейха – ведь это они распахнули ворота Освенцима и Майданека. Правда, поначалу никто не знал, как, собственно, должен выглядеть этот компромисс. В то время довольно многие, в том числе и польские католики, всерьез восприняли Ялтинскую декларацию об «освобожденной Европе», содержащую обещание уважать процесс демократического волеизъявления на континенте.

В Польше католики представляли подавляющее большинство населения. Для них было само собой разумеющимся, что возрожденное Польское государство должно основываться на принципах христианства. Кардинал Хлонд, например, заявлял в ноябре 1945 г., что в наши дни наступило великое духовное смятение. Речь идет о том, какое мировоззрение должно наложить отпечаток на мир будущего – христианское или материалистическое. После разгрома безбожного национал-социализма на мировой арене преобладают две силы: христианство и марксистский материализм. Сила последнего очень велика, но ему не одолеть христианство, за которым будущее, – полагал кардинал².

Престиж Церкви в глазах польского населения укрепился благодаря ее поведению во время немецкой оккупации. Она категорически отвергла какое-либо сотрудничество с нацистским режимом и находилась в первых рядах движения Сопротивления. Более трех тысяч священнослужителей и членов религиозных орденов пали жертвами нацистского террора³. Таким образом, польским коммунистам пришлось иметь дело с весьма уверенным в себе партнером, значение которого они поначалу признавали. В первые послевоенные годы, когда «страны народной демократии» еще не превратились в точные копии Советского Союза, деятельность Польской Церкви особо не ограничивалась.

Но эти «игры» тянулись недолго. Коммунисты в то время чувствовали себя вершителями истории. Католицизм для них был пережитком прошлого, отмирающей мировоззренческой системой. Правда, они хотели скрепить договором свои отношения с церковью, но лишь для того, чтобы как можно строже держать под контролем своего единственного оставшегося соперника. При заключении договора Церкви отводилась роль младшего партнера.

В этом чувствуется сталинский почерк, ибо одна из существенных черт сталинизма – создание псевдореальности. Истинное положение дел буквально переворачивается в этой псевдореальности с ног на голову. Партия, которая в конце 1944 г. насчитывала в лучшем случае 34 тыс. членов, выступала от имени большинства, а Церковь, представлявшая 90% населения, должна была смириться с ролью представителя меньшинства, к которому относятся терпимо: «В Польше

² August Kardynał Hlond. Chrzescijaństwo czy materializm // Tygodnik Warszawski. 2 декабря 1945.

³ Kłoczowski J., Millerowa L., Skarbek J. Zarys dziejów Kościoła katolickiego w Polsce. Kraków, 1986. P. 357.

католики пользуются [...] теми же правами, что и все остальные граждане», – заявил в ноябре 1946 г. президент страны Болеслав Берут⁴. Можно было подумать, что представитель подавляющего большинства граждан выступает с великодушным предложением в адрес маргинальной группы общества.

Следует особо подчеркнуть тот факт, что постепенно Церковь смирилась со статусом миноритарной группы. Она отказалась от своих первоначальных честолюбивых планов восстановить на руинах национал-социализма новую Польшу, основанную на христианских идеалах. В конце концов, она подписала в апреле 1950 г. договор с режимом, желая таким образом обеспечить верующим хотя бы минимум свободы вероисповедания, а священнослужителям – остатки автономии. В соглашении, наряду с другими, были и такие пункты: «Сохраняя верность своим основополагающим принципам, церковь будет осуждать любое антигосударственное выступление, а также противодействовать какому бы то ни было использованию религиозных чувств в антигосударственных целях» (статья 7)⁵.

Итак, Церковь обещала сохранять лояльность в отношении сталинского режима, вполне проявившего к тому времени свой деспотический характер. Поэтому может показаться оправданным тезис многих критиков, согласно которому апрельское соглашение 1950 г. было капитуляцией. Церковное руководство в определенном отношении узаконило преобразование страны ее новыми властителями⁶. Однако в контексте своего времени это соглашение имело совершенно иное значение. Сталинизм расползлся по Восточной Европе, сметая все преграды на своем пути. Но в этом случае ему вроде бы пришлось признать некие рамки, обусловленные соглашением.

К началу 50-х годов почти уже ничего не осталось от позиций, которые церковь имела в обществе в 1945–1947 гг. В определенном смысле ей пришлось отступить на последние рубежи обороны. Однако они – эти рубежи – все же существовали.

В конце 1946 г. один из ведущих католических публицистов Польши, Станислав Стомма, сформулировал следующие тезисы: католицизм может сосуществовать с самыми разными общественными системами; было бы ошибкой полагать, что Церковь любой ценой должна стараться претворить в жизнь социальную доктрину католицизма. Автору служила примером позиция ведущих католиков

⁴ См. Kościół i Państwo // Tygodnik Powszechny. 8 декабря 1946; См. также Kersten K. Narodziny systemu władzy. Polska 1943-1948. Paris, 1986. P. 255-256; Cywiński B. Ogniem próbowane. T. 2. Рим-Люблин, 1990. P. 47-48; Trzy ćwiartki wieku. Z Jerzym Turowiczem rozmawia Jacek Żakowski // Powściągliwość i Praca. Декабрь 1987.

⁵ См. Stehle H. Die Ostpolitik des Vatikans. München, 1975. P. 306; Listy Pastorskie Episkopatu Polski. Paris, 1975. P. 91-92; Micewski A. Kardynał Wyszyński. Prymas i mąż stanu. Paris, 1982. P. 65, 70-74; Kłoczowski. Zarys. P. 383.

⁶ Micewski. Kardynał. P. 65, 70; Stehle. Die Ostpolitik. P. 307-308; Kisielewski S. Stosunki Kościół i Państwo w PRL // Zeszyty Historyczne. 1979. Vol. 49. P. 9; Michnik A. Takie czasy ... Rzecz o kompromisie. L., 1985. P. 110-111.

во Франции, которые, как ему казалось, безмолвно признали историческую победу социализма в социально-политической сфере и отступили на последние, т.е. религиозно-этические, позиции⁷. Провозглашенный Стоммой религиозный минимализм вызвал горячие протесты у польской католической общественности. Многие авторы писали, что он капитулировал перед решительным натиском левых и распространяет пессимистические, почти что пораженческие настроения⁸.

Позднейшее развитие событий показало, насколько необоснованным был пессимизм Стоммы. Не либеральные и не христианские, а именно коммунистические ценности переживали во второй половине века постоянную эрозию. В 1981 г. Стомма признал, что в 1946 г. он слишком переоценивал динамику коммунизма⁹. Но следует ли из этого, что в свое время Стомме не хватило дальновидности? Ни в коей мере. Он своевременно и гораздо прозорливее своих оппонентов понял, какого рода сопротивление возможно в установившемся тоталитарном государстве. Ему в самом деле приходится ограничиваться лишь защитой основополагающих нравственных ценностей. А сторонники более смелой тактики не имели никаких шансов на выживание – их размолола сталинская машина террора. Сталинское руководство не желало, да и было, судя по всему, внутренне неспособно идти на продолжительные внутривнутриполитические компромиссы. Стремясь к абсолютной власти над обществом, к уничтожению малейших тенденций к «отклонению», оно не могло считаться с автономией католиков. Соглашение с церковью от апреля 1950 г. было для польских коммунистов по существу лишь маневром. После короткой передышки они вновь перешли в наступление на своего «идеологического противника». Церкви приходилось сдавать одну позицию за другой. Церковные издательства и журналы закрывались, благотворительные организации либо запрещались, либо передавались под опеку государства. Преподавание в школах Закона Божия, гарантированное соглашением 1950 г., на деле было запрещено. Одновременно власти развернули травлю духовенства, многие его представители были арестованы по сфабрикованным обвинениям в антигосударственной деятельности или шпионаже¹⁰.

Скрепя сердце, под многочисленные протесты, Церковь сдавала одну позицию за другой, пока режим не дошел до «последней линии обороны». Речь идет о правительственном Указе от 9 февраля 1953 г., в соответствии с которым занятие церковных должностей должно было осуществляться под государственным контролем¹¹. С. Вышинский, преемник умершего в 1948 г. кардинала Хлонда, кате-

⁷ Stomma S. Maksymalne i minimalne tendencje społeczne katolików // *Znak*. 1946. Vol. 3. P. 257-275; см. также Stomma S. *Pościg za nadzieją*. Paris, 1991. P. 93-96; Micewski A. *Współzadzić czy nie kłamać? Pax i Znak w Polsce 1945-1976*. Paris, 1978. P. 169.

⁸ Braun J. W cieniu dekadencji (Psychoza kłęski w katolicyzmie francuskim) // *Tygodnik Warszawski*. 30 марта 1947; Piwowarczyk J. Rada nie na czasie // *Tygodnik Powszechny*. 20 апреля 1947.

⁹ Minimalizm czy maksymalizm chrześcijański // *Znak*. 1981. Vol. 322-323. P. 615.

¹⁰ Micewski. *Kardynał*. P. 75-135; Kisielewski. *Kościół*. P. 9-10.

¹¹ Lenert P. *Die Wahrheit über die katholische Kirche in Polen*. Berlin, 1965. P. 41-42; Cywiński. *Ogniem próbowane*. Vol. 2. P. 106-107.

горически отверг это требование. Арест Вышинского 25 сентября 1953 г. был неотвратимым следствием этого процесса¹².

2. Мирные революции в коммунистической Польше: 1956-1980-1989

Однако три года спустя положение в стране решительным образом изменилось. После XX съезда КПСС, разоблачившего сталинские преступления, на западной периферии Восточного блока начались антисталинистские брожения, которые потрясли основы господствующих систем. В Венгрии это брожение привело к полному краху режима, восстановить который удалось лишь с помощью советских танков. В Польше режим тоже находился на грани катастрофы – особенно после подавления протеста рабочих в Познани в июне 1956, в результате которого погибло более пятидесяти человек. Эти события привели к углублению внутривластных конфликтов, что мешало решительному выступлению партии против оппозиции. Партийные реформаторы и оппозиционно настроенные слои общества связывали теперь свои надежды с личностью Владислава Гомулки, бывшего Генерального секретаря партии, подвергнувшегося преследованиям в сталинские времена и ставшего символом надежды в стране. 4 августа его снова приняли в партию. Возвращение Гомулки на самый высокий пост в партии казалось неизбежным, что и произошло в октябре 1956 года на VIII пленуме ЦК Польской объединенной рабочей партии.

Для избранного новым главой партии Гомулки являлось однако чрезвычайно важным получить для своей программы союзника, пользующегося доверием. Ибо в его программе были не только общепризнанные требования, например, отказ от сталинистского террора и коллективизации сельского хозяйства, но и такие спорные постулаты, как верность союзу с СССР и сохранение «ведущей роли партии»¹³.

В этом – причина «хождения в Каноссу» ближайших доверенных лиц нового Генерального секретаря – Зенона Клишко и Владислава Беньковского. 26 октября 1956 г. они появились в Команьчи, где жил в изгнании кардинал Вышинский. После VIII пленума миновали лишь считанные дни, впоследствии Беньковский рассказывал, что больше всего Гомулка боялся отказа кардинала от какого бы то ни было сотрудничества с коммунистами после всех пережитых им гонений. Доверенные лица Гомулки были поражены тем, какое понимание положения правительства проявил глава Польской Католической Церкви. Суровую критику преж-

¹² Micewski. Kardynał. P. 135-136; Kłoczowski. Zarys. P. 384; Uwięzienie Prymasa Wyszyńskiego // Polityka. 1 февраля 1992.

¹³ Rede von Władysław Gomułka vor dem VIII. Plenum des ZK der Polnischen Vereinigten Arbeiterpartei am 20. Oktober 1956 // Europa-Archiv. 1956. №№ 22/23. P. 9369-9383.

ней политики коммунистов в отношении Церкви кардинал дополнил предложением примирения. Он высказал готовность поддержать правительство в поисках выхода из кризиса¹⁴.

Беньковский рассказывает, с каким облегчением Гомулка воспринял позицию Вышинского. Другие детали переговоров – например, масштаб уступок Церкви со стороны государства, которые потребовал кардинал, – Гомулку мало интересовали. Руководство страны приняло почти все требования главы Польской Католической Церкви. Среди них – аннулирование Указа от 9 февраля 1953 г. о государственном контроле церковных должностей, восстановление независимой церковной прессы, освобождение из заключения арестованных епископов и священников¹⁵.

28 октября 1956 г. Вышинский вернулся в Варшаву и своими призывами к гражданскому миру существенно способствовал разрядке напряженности. Так, компромисс между государством и церковью оказался той необходимой предпосылкой, которая привела к первой мирной революции в истории Восточного блока – к польским событиям октября 1956 года. В октябре 1956 г. был заложен фундамент для особого пути Польши в рамках Восточного блока.

Все позднейшие попытки режима вернуться к предшествующему положению дел остались безрезультатными. Но то, что на первый взгляд могло показаться неудачей правящих кругов, в конечном счете обернулось удачей. Ибо при многих кризисных ситуациях, когда у правительства были исчерпаны все резервы, стране удавалось избежать катастрофы не в последнюю очередь благодаря тому, что она располагала, помимо партии, еще и столь мощным и независимым институтом, как Церковь. Польские коммунисты несмотря на значительное внутреннее сопротивление, первыми смирились с тем обстоятельством, что современные общества по определению должны включать в себя нонконформистские силы. Они поняли, что бессмысленно запрещать этим силам все возможности самовыражения. Другие коммунистические режимы, если не считать пражского руководства в 1968 г., долго еще были неспособны на подобную уступку духу времени. А когда они на это пошли в ходе перестройки, было уже поздно.

Некоторые представители польской интеллигенции резко критиковали соглашение 1956 г. между церковью и государством. Историк Павел Ясеница обращает внимание на то, что в результате компромисса 1956 г. только коммунисты и католики получили привилегию свободно выражать свое мнение. То, что все другие группировки были исключены из этого консенсуса, было, по его мнению, крайне недемократично¹⁶. Этому в общем-то блестящему историку в данном

¹⁴ Wszyński S. Kardynał Prymas Polski. Zapiski więzienne. Paris, 1982. P. 252-254; Micewski. Kardynał. P. 159-160; Żakowski J. Anatomia smaku czyli o losach Tygodnika Powszechnego 1953-1956. Lublin, 1986. P. 67.

¹⁵ Komunikat Komisji Wspólnej przedstawicieli Rządu i Episkopatu // Trybuna Ludu. 8 декабря 1956; Micewski. Kardynał. P. 159-160.

¹⁶ Nawrócony // Nowa Kultura. 5 мая 1957; Z dymem kaziდეł // Nowa Kultura. 2 июня 1957.

случае явно отказывает исторический и политический инстинкт. Сколько потребовалось попыток, чтобы реформировать и демократизировать автократические и абсолютистские режимы прошлого! При том, что в смысле концентрации власти эти режимы едва ли можно сравнивать с коммунизмом. Тот факт, что система, основанная на монополии власти и информации, предоставила католикам значительную автономию, стал важным шагом вперед. Тем более, что католики были не какой-то заурядной группировкой в числе многих подобных, а религиозным вероисповеданием, с которым идентифицировало себя примерно 90% населения.

Мировоззренческий дуализм, утвердившийся в Польше в 1956 г., Ясеница представлял как своего рода двойную диктатуру. Но на самом деле этот дуализм существенно ускорил процесс эмансипации общества в целом. И от этого выигрывали противники любой ортодоксии – в том числе коммунистической и католической – которых берет под свою защиту Ясеница.

Будучи единственной организацией, неподвластной государству, Церковь постепенно стала защитницей растущих нонконформистских сил, стремящихся к приобщению Польши к «европейским нормам» – даже тех, которые почти никак не соприкасались с католицизмом. Неуклонный рост популярности католицизма в стране был сюрпризом для польских коммунистов. Они считали католическое вероучение пережитком прошлого, отмирающим мировоззрением. И наоборот, марксизм в их глазах был наиболее прогрессивной моделью объяснения мира. Из-за этой самоуверенности они постепенно утрачивали чувство реальности. Партия, например, не потрудились над тем, чтобы осмыслить и интегрировать в свою доктрину ревизионистские течения, возникшие в 1955–1956 гг. Нонконформисты были исключены из ПОРП. И официальный марксизм, окончательно окостенев, утратил какую бы то ни было привлекательность для польской интеллигенции. Совсем иначе развивался польский католицизм.

Позиция польского церковного руководства в отношении разногласий, возникших в собственных рядах, оказалась более мудрой. Здесь тоже шла дискуссия между большинством и критически мыслящим меньшинством, которое подвергало сомнению «генеральную линию» большинства. Хотя конфликты внутри партии и внутри Церкви были похожи, их последствия оказались прямо противоположными. Партия постепенно полностью избавилась от своего ревизионистского крыла. Церковь же, наоборот, сохранила своих «ревизионистов». В отличие от партии, которая для сохранения монополии на власть вынуждена была выступать «единым блоком», церковь не нуждалась в такого рода внутренней сплоченности. Как раз наоборот, так как ее сила заключалась прежде всего в добровольной поддержке со стороны общества, она должна была обращаться к широкому спектру общественных сил. А для этого необходимо было проявлять определенную терпимость к инакомыслящим. Надо отметить, что в довоенное время польская Церковь отнюдь не являла собой образец терпимости. Пойти на встречу инакомыслящим было для нее делом нелегким. И все же она это сделала.

Рубежом в этом отношении стал 1968 г., когда католические депутаты польского сейма из группы «Знак» солидаризировались с марксистски настроенными студентами, протестующими против репрессивной политики режима¹⁷. Базис партии, особенно после событий 1968 года, постоянно сужался, а у церкви тем временем почва под ногами становилась все крепче.

Польская церковь особо гордилась своим успехом у нонконформистской левой интеллигенции. На Западе в ходе диалога между христианами и левыми первые постоянно вынуждены были оправдываться – по крайней мере так было до 1989 г., в Польше же ситуация сложилась прямо противоположная. Левых здесь обвиняли в идейном анахронизме и им нелегко было объяснить, почему они все еще отстаивают свои идеалы, безнадежно дискредитированные коммунистами. Адам Михник, затеявший в 1977 г. диалог между неортодоксальными левыми и Церковью, заметил спустя десять лет, что постепенно все разговоры теряли смысл, ибо одна из сторон диалога по сути прекратила свое существование.

Несколько слов следует сказать об отношении к Церкви промышленных рабочих. Еще в декабре 1970 г. забастовщики в Гданьске использовали социалистическую символику в ходе своего конфликта с режимом – они, например, пели «Интернационал». Такие идеалы как равенство и социальная справедливость у многих ассоциировались с левой традицией. Однако крах идей Эдварда Герека – преемника свергнутого в результате рабочих волнений в декабре 1970 г. Гомулки – о новой, процветающей Польше с неизбежностью привел к дискредитации не только режима, но и идейных установок левых в целом. Присущий левым пафос будущего постепенно вытеснило традиционалистское мировоззрение. И уже не «светлое будущее», а «священная старина» стала источником вдохновения. Примером служит та непомерно высокая оценка, которую получила в общественном сознании конца 70-х годов Вторая Польская республика (1918–1939): любая попытка указать на ее теневые стороны, такие, как присущие ей социальные, политические и национальные конфликты, воспринималась часто в качестве святотатства. С возникновением движения «Солидарность» этот поворот к собственной истории еще усилился. Но в этом смысле Польша не была исключением в рамках Восточного блока. Другие страны этого региона после поражения последней попытки «ревизионистского» обновления в Праге 1968 г. тоже пережили «национальные ренессансы», связанные с идеализацией прошлого. Тем не менее, движение «Солидарность» стало одной из самых своеобразных глав в истории борьбы за эмансипацию стран Восточной Европы. Но это мало связано с националистическими идеями нового массового движения. Важно то, что уже при своем возникновении оно вступило в тесную связь, почти симбиоз с Церковью. В связи с этим надо напомнить, что религиозная символика всегда сохранялась в коллективном сознании польского рабочего класса. Кое-кто из на-

¹⁷ Sprawozdanie stenograficzne z 19 posiedzenia Sejmu PRL w dniach 9, 10 i 11 kwietnia 1968 r. Warszawa, 1968. P. 167-173, 182-185.

блюдателей подчеркивал, что Польской Церкви удалось приостановить процесс секуляризации промышленного пролетариата в стране¹⁸. В своей привязанности к Церкви он почти не отличается от сельского населения – единственный в своем роде феномен на Западе и Востоке. Английский историк Э.Х. Карр указал на то, что большевики быстрыми темпами осуществили индустриализацию России еще и для того, чтобы создать социальную базу для своего господства, которая до тех пор отсутствовала. Крестьяне с их традиционалистским мировоззрением едва лигодились для поддержки коммунистической программы, считает Карр¹⁹. Можно сказать, что в этом случае большевики не просчитались. Ибо новый промышленный пролетариат, оторванный от своего прошлого, был куда более восприимчив к коммунистическим идеям, чем статично мыслящее сельское население. Благодаря пролетаризации значительных групп населения существенно расширился и базис для рекрутирования нового слоя функционеров. Ускоренная индустриализация Польши в сталинскую эпоху должна была служить сходным целям, т. е. последующей легитимизации режима. Крах этой программы наглядно демонстрирует широко известный пример Новой Гуты под Краковом. Этот новый рабочий город был призван стать первым городом в стране, в котором нет церквей, и выступать в роли противовеса клерикально настроенному Кракову. Однако из-за энергичного сопротивления жителей от этого намерения пришлось отказаться. В конечном итоге этот «город будущего» стал таким же, как и другие города в стране – он клерикализировался. Власть имущим пришлось смириться с тем, что они проиграли борьбу за «души рабочих» и признать, что даже в рядах ПОРП есть много верующих²⁰.

Не удивительно, что при таком положении дел забастовавшие в августе 1980 г. рабочие внутренне порвали с левой революционной символикой и взяли на вооружение столь близкие их сердцу религиозные символы²¹. Фотоснимки рабочих гданьской верфи, опустившихся на колени во время богослужения, обошли весь мир. Теперь, в отличие от 1970 г., они распевали не «Интернационал», а церковные песнопения.

Возникновение Солидарности было несомненно водоразделом в истории Восточной Европы. В государстве, именуящем себя рабочим, появилось независимое профобъединение, защищающее интересы рабочих именно против этого государства. Это был невероятный вызов для режима. У всех участников событий лета 80-го года было чувство, что они являются свидетелями революции. Однако революции необычной. Это была революция без баррикад и уличных боев, без применения какого-либо вида насилия. Эти события предвосхитили мирную революцию 89-го года в Восточной Европе. Однако и у Солидарности были свои

¹⁸ См. Kłoczowski. Zarys. P. 407.

¹⁹ Carr E.H. Socialism in One Country 1924-1926. L., 1958. Vol. 1. P. 89-136.

²⁰ См. Lenert. Die Wahrheit. P. 52-53; Spotkania. 1980. Vol. 10. P. 8.

²¹ Wałęsa L. Ein Weg der Hoffnung. Autobiographie. Hamburg, 1987. P. 182-183; Wystąpienie Mariana Jurczyka // Jedność. 30 декабря 1980.

предшественники – в первую очередь советские правозащитники. Это они впервые в истории коммунистических режимов начали вести себя как свободные люди в несвободной стране, в системе, построенной на лжи, начали жить не по лжи. Однако в отличие от польской оппозиции советские правозащитники не смогли заразить своими идеями массы. Они остались островком свободолюбия в конформистски настроенном обществе. Солидарность же, членами которой стали примерно 10 миллионов человек, стала, пожалуй, самым крупным оппозиционным движением в истории Восточного блока – до начала горбачевской перестройки.

То, что Солидарность превратилась в такое мощное движение, связано было не в последнюю очередь с тем, что она с самого начала опиралась на союз рабочих и интеллигенции. То есть на тот самый союз, о котором всегда мечтали коммунисты, но который возник именно в борьбе с коммунистическим режимом. Кроме того успех Солидарности был связан с тем, что она смогла преодолеть мировоззренческий раскол между католическими консерваторами и независимыми левыми силами. Они объединились на почве отрицания репрессивного режима, создали своего рода антиавторитарную коалицию. Однако Солидарность отнюдь не превратилась в филиал католической Церкви, как многие утверждают. Возникшая из антиавторитарного мятежа, эта организация не позволяла никому себя опекать, даже церковному руководству. Когда глава польской церкви – кардинал Вышинский – 26-го августа 1980 г. (т. е. еще перед подписанием «Гданьского соглашения») призвал гданьских рабочих к благоразумию, то есть к прекращению забастовки, его совету никто не последовал²².

Обновленная революцией Солидарности Польша стала чужеродным телом в тогдашнем политическом ландшафте Восточного блока, находившегося под контролем застойного брежневского руководства. Поэтому польские военные, выступившие 13 декабря 1981 против Солидарности и объявившие в стране военное положение, были поддержаны всеми догматическими силами Блока. Объявление военного положения польскими генералами польская оппозиция считала ничем не спровоцированным и потому непростительным нарушением договора со стороны коммунистов. «Меня обманули» – сказал Валенса секретарю варшавской курии епископу Брониславу Домбровскому спустя несколько часов после своего ареста 13 декабря 1981 года²³. И точно так же думали миллионы его сограждан. В сознании подавляющего большинства общества произошло своего рода разделение между добром и злом, которые оказались как бы по разные стороны пропасти.

Поведение властей во многом способствовало обострению положения. Но и те лозунги, которыми пользовалась оппозиция, отличались особой радикальностью.

²² См. *Obserwatorium // Kultura*. 1980. Vol. 10. P. 3-11; *Pięć minut przed dwunastą // Polityka*. 25 августа 1990.

²³ *Micewski A. Kościół wobec «Solidarności» i stanu wojennego*. Paris, 1987. P. 68; *Spotkania*. 1982. Vol. 19/20. P. 112.

Она говорила не о военном положении, а о «войне». Военное положение характеризовалось как «оккупационный режим» и постоянно проводились параллели с немецкой оккупацией. В принципе, налицо были все предпосылки для развязывания гражданской войны. Но она всё же не началась; и это можно считать своего рода «политическим чудом». В том, что оно произошло, значительная заслуга польской церкви. Для того, чтобы разрядить конфликт, церковь использовала аргументы двойного характера: религиозного и национального.

Христианское учение запрещает отвечать насилием на насилие. Даже если церковь станут обвинять в трусости, она будет продолжать неустанно бороться против насильственного разрешения конфликтов и разжигания ненависти. С этими словами преемник умершего в мае 1981 кардинала Вышинского, примас Йозеф Глемп обратился к своим согражданам в день провозглашения военного положения²⁴.

Но Глемп говорил не только как христианин, но и как патриот, не желающий примириться с возможностью войны поляков против поляков. Эта страна никогда не ведала, что такое гражданская война, неустанно повторял Глемп. Церкви будет очень прискорбно, если общество расколется на два лагеря: «на власть имущих, которые повелевают и применяют насилие, и на подданных, которые молчат и ненавидят. (Не забывайте), что и на той, и на другой стороне находятся дети одного и того же народа»²⁵. В своих первых же заявлениях по поводу происшедших событий церковное руководство ни в коей мере не щадило власть имущих. Нарушение общественного договора, заключенного в августе 1980 года, и тяготы военного положения были заклеены со всей остротой. Но этой критике государство явно не придавало такого же важного значения, как призывам епископата сохранять порядок и спокойствие. Польское радиовещание, например, в ночь с 13 на 14 декабря 1981 года многократно транслировало крайне критическую проповедь примаса Польши, произнесенную накануне, основной акцент которой, тем не менее, заключался в стремлении успокоить страсти²⁶. По этой причине возникла видимость союза между «троном и алтарем», ставшего камнем преткновения для многих оппозиционеров.

Попытка сохранить позицию равноудаленности по отношению к государству и оппозиции, предпринятая церковным руководством в Варшаве, не встретила понимания и поддержки у многих священников. Они открыто выражали свою поддержку разгромленной «Солидарности» и отвергали правительство с такой же решительностью, как и большинство населения. Характерными для настроений священнослужителей были, например, выступления многих священников на встрече с кардиналом Глемпом 7 декабря 1982 года: «Отдает ли Примас себе отчет в том, что его позиция в условиях военного положения [...] не одобряется ве-

²⁴ Micewski. Kościół. P. 70-72.

²⁵ Glemp J. Homilia // Spotkania. 1982. Vol. 17/18. P. 13.

²⁶ Komunikat rady Głównej Episkopatu Polski // Warszawa. 15 декабря 1981; Kontakt. 1982. Vol. 2. P. 44.

рующими из слоев интеллигенции, рабочего класса и даже крестьянства?» – спрашивал один из священников. «Не лучше ли было бы, если бы глава польской католической церкви осторожнее выражал своё отчужденное и холодное отношение к "Солидарности"», – гласил другой вопрос²⁷.

Бесчисленные церкви и приходы превратились в опорные пункты подпольной «Солидарности», и многие представители запрещенного профсоюза впоследствии заверяли, что без этой поддержки невозможно себе представить сохранение организации²⁸. Правительственное решение от ноября 1982 года, формально объявлявшее «Солидарность» нелегальной организацией, было воспринято многими священниками как произвол, лишенный какой бы то ни было правовой основы. Независимый профсоюз продолжал для них существовать и формально, и фактически. Костелы и приходы продолжали оставаться островками свободы, открыто провозглашаемого общественного неповиновения, и тем самым – клапаном угрожающе скопившегося потенциала протеста. Это внесло существенный вклад в предотвращение тотальной конфронтации между режимом и обществом.

Не менее важным в этом деле было и поведение влиятельных лидеров «Солидарности», действовавших в подполье. Своё возмущение действиями правительства они сочетали с призывами не отвечать насилием на насилие. Они самым решительным образом отвергали применение революционного террора против военных, ибо это кричащим образом противоречило бы этике «Солидарности». «Терроризм означал бы конец "Солидарности", – сказал один из ее вождей, Богдан Лис, – Иностранцы, которые хорошо знают польскую историю, часто удивляются. Хотя мы и имеем богатые повстанческие традиции, [...] но в "войне" против военной хунты со стороны общества не был произведен ни единый выстрел»²⁹.

Этот «нерешительный» курс подпольной «Солидарности», принципиально противоречивший стереотипу якобы глубоко укорененной в Польше традиции «романтического» протеста, не нанес ущерба её престижу. Наоборот, она приобрела легендарную славу.

Но следует упомянуть и о том, что политический курс польских генералов тоже способствовал тому, что военное положение не переросло в гражданскую войну. Вопреки первоначальным страхам, они не ввели режим террора. Несмотря на некоторые параллели, новый режим даже отдаленно не напоминал сталинскую систему. Адам Михник охарактеризовал тогда политику властей как «ограничивающую себя контрреволюцию»³⁰. Генералы, например, наверняка могли бы разгромить организационную инфраструктуру подпольной «Солидарности». Но

²⁷ Spotkanie Prymasa z księżmi archidiecezji warszawskiej // *Zeszyty Historyczne*. 1983. Vol. 64. P. 206-217; Błachnicki F. Rozważania nad tezami prymasowskiej rady społecznej w sprawie ugody społecznej w Polsce // *Spotkania*. 1982. Vol. 19/20. P. 109-116.

²⁸ Łopiński M., Moskit M., Wilk M. *Konspira. Rzecz o podziemnej Solidarności*. Paris, 1984.

²⁹ Łopiński. *Konspira*. P. 102; Holzer J., Leski K. *Solidarność w podziemiu*. Łódź, 1990. P. 21, 67.

³⁰ Michnik A. List z Mokotowa – Grudniowe Rekolekcje // *Ktrytyka*. 1983. Vol. 16. P. 21.

они этого не сделали и вообще соблюдали определенные правила в преследовании критиков режима. Даже при наличии военного положения в Польше сохранялась гораздо большая свобода мнений, чем во всех других странах Восточного блока. Авторитетные советники Солидарности, как правило, сохранили свои рабочие места в университетах или в других научных учреждениях. Их активное участие в публикациях Самиздата и сотрудничество с эмигрантскими журналами и издательствами, как правило, не преследовалось. О «нормализации» по венгерскому или чешскому образцу 1956 и 1968 гг. не могло быть и речи.

Из-за их «мягкого» курса и из-за «флирта» с церковью польские военные постоянно находились под огнем критики московских догматиков. Советское руководство могло лишь отчасти понять противоречивое положение польского правительства – то, что маленькие уступки свободе образуют единственный клапан для общественного протеста, который иначе мог бы принять гораздо более агрессивные формы. А также и то, что для находящегося в полной изоляции режима жизненно важным было не дать оборваться тонкой нити диалога с церковью. Осторожная политика правительства Ярузельского принесла свои плоды. Бескомпромиссная позиция протестующего общества начала постепенно смягчаться, ряды оппозиционного фронта стали редеть. И только твёрдое ядро оппозиции оставалось непреклонным, продолжая бойкотировать официальные учреждения.

Начатая Горбачевым перестройка облегчила положение руководства. Оно было наконец-то освобождено от постоянного давления со стороны московских догматиков. Его сфера действий значительно расширилась. Не в последнюю очередь благодаря этому оно смогло объявить в сентябре 1986 года амнистию практически для всех политических заключенных³¹. Но повторная легализация Солидарности и после начала горбачевской перестройки, как и прежде, категорически отвергалась варшавским руководством³². Положение в стране казалось безвыходным. Все правительственные планы реформ терпели одно поражение за другим, так как правительство не хотело признать оппозицию равноправным партнером в переговорах. А без этого шага невозможно было добиться от населения более напряженного труда и согласия временно мириться с экономическими трудностями – а это ведь были необходимые предпосылки для удачи реформ.

Оппозиция, со своей стороны, была не в состоянии добиться от правительства изменения системы, к которому она стремилась. Непопулярная власть и бессильная популярность взаимно парализовали друг друга. Всеобщая апатия усугублялась нарастающим экономическим развалом страны. И вот на фоне этой безвыходной ситуации произошел перелом.

Был им призыв правительства во время забастовок в августе 1988 года к руководству официально «не существующей» Солидарности начать переговоры. Этот

³¹ Holzer, Leski. *Solidarność*. P. 116-117.

³² D.P. *Życie polityczne i gospodarze* // *Polityka*. 4 октября 1986; Wiatr J.J. *Zmiany polityczne w Polsce* // *Polityka*. 20 декабря 1986; Rakowski M.F. *Nie sceptyczni lecz krytyczni* // *Polityka*. 12 июля 1986; idem. *Przeciw filozofii rezygnacji* // *Polityka*. 20 декабря 1986.

шаг польского руководства представлял собой новый рубеж в развитии страны после декабря 1981 года.

Только с этого момента варшавское правительство начало идти в ногу с горбачевской перестройкой. Амнистия, провозглашенная в сентябре 1986 года, не требовала больших усилий ибо она не повлекла за собой изменения системы. Без горбачевской перестройки вырваться из этого порочного круга было едва ли возможно. До перестройки Москва представляла собой надежную опору для догматиков в Варшаве, Праге, Будапеште или в Восточном Берлине. Они всегда могли рассчитывать на ее «помощь», если оказывались не в состоянии справиться с внутренним кризисом собственными силами. Но теперь эта точка опоры сама пришла в движение и как бы оставила в беде «охранительные силы» на западной периферии империи. Это было шансом для сторонников «мягкого курса» в восточноевропейских странах. Избавившись от постоянного страха карательных акций с Востока, они начали искать неортодоксальные пути решения внутривнутриполитических конфликтов, подрывая при этом власть догматиков в собственных рядах.

В Польше произошло это на переломном, проходившем в чрезвычайно бурной атмосфере X пленуме ЦК ПОРП в январе 1989 г. Реформистскому крылу партии удалось добиться победы. Оно провело в жизнь свою концепцию, которая предусматривала переговоры за «Круглым столом», упомянутые в начале этой статьи. Путь к введению политического плюрализма в стране был теперь свободен³³.

3. Польские мирные революции и Евромайдан

Можно ли провести какие-то параллели между польской борьбой за «возвращение в Европу» и Евромайданом? Так как целая секция нашего журнала будет посвящена Майдану, я хотел бы здесь ограничиться всего лишь некоторыми краткими замечаниями.

Первая параллель касается роли Польши и Украины в созданных кремлевским руководством гегемониальных структурах. «Послеялтинская» Польша была самым слабым звеном в возникшей в 1945 году «внешней советской империи» и постоянно ее подтачивала. Такую же роль играет Украина, в особенности после «оранжевой революции» 2004 года в «ближнем зарубежье». Так же, как в застойные брежневские времена в Москве опасались, что польские независимые профсоюзы смогут побудить недовольных своей судьбой рабочих других стран соцлагера последовать примеру непокорных поляков, так защитники «управляемой демократии» в Кремле опасаются, что взрыв гражданского неповиновения в

³³ Holzer, Leski. *Solidarność*. P. 170; Rakowski M.F. *Jak to się stało?* Warszawa, 1991. P. 167-178; Kiszczak Cz. *Tajemnice Magdalenki // Polityka*. 8 сентября 1990; Dubiński K. *Okrągły stół*. Warszawa, 1999.

«братской Украине» сможет затронуть и другие страны постсоветского пространства, в том числе и Россию. Ведь зачатки Майдана можно уже было проследить на Болотной.

Вторая параллель, которая объединяет «ограничивающую себя революцию» Солидарности и Майдан, это разнородность участвующих в обеих революциях политических группировок. В Польше этот противоречивый союз оказался недолговечным. После победы Солидарности на парламентских выборах в июне 1989, когда правящая коммунистическая партия оказалась буквально сметенной с политической сцены, распался и тот союз, который был фундаментом, на котором держалась Солидарность. Союз между католическими консерваторами и независимыми левыми группировками, между рабочими и интеллигенцией, между главой независимых профсоюзов Лехом Валенсой и его советниками. Однако тот факт, что Солидарность, которая с самого начала представляла собой объединение различных идеологических течений, после победы над общим противником распалась на составные части, не слишком удивляет. Такого рода распад противоречивых альянсов после победы над общим врагом являлся до сих пор чуть ли не исторической закономерностью. Такие же процессы проходили и в Украине после победы «оранжевой революции» 2004 года. Победоносная коалиция распалась тогда, как известно, в кратчайшие сроки, что обеспечило в итоге Виктору Януковичу возвращение на политическую сцену в 2010 году. По всей вероятности, и победоносная коалиция, возникшая на Евромайдане, не будет долговечной. Слишком глубоки противоречия между ее либерально-демократическим и радикально-националистическим крылом.

И здесь, сопоставляя польские и украинские события, я хотел бы коснуться основного различия между ними. Когда польские генералы 13 декабря 1981 г., провозгласив военное положение положили конец 16-месячному «Празднику свободы», устроенному Солидарностью, казалось, как уже говорилось, что страна находится на пороге гражданской войны. То, что такая война не разразилась, являлось в немалой степени заслугой польской католической Церкви, которая, пользуясь уважением и властью, и оппозиции, призывала обе стороны конфликта к умеренности. Будучи посредником между почти полностью изолированным режимом и оппозиционной общественностью, она внесла существенный вклад в деэскалацию положения. В политически и культурно расколотовой Украине нет такой авторитетной инстанции. И именно сейчас, в момент триумфа Евромайдана над коррумпированным режимом Януковича, болезненно ощущается острая нехватка такого общепризнанного авторитета, ввиду крайней неоднородности победившей коалиции, а также опасного напряжения между отдельными регионами страны.

И здесь бросается в глаза еще одно существенное различие между Солидарностью и Евромайданом. Так же, как и Евромайдан, Солидарность опиралась на широкую коалицию либеральных, левых и национально настроенных группировок. Но в альянсе Солидарности не были представлены радикальные национали-

сты образца партии «Свобода» Олега Тягнибока. Особенно для левого крыла Солидарности, во главе которого стояли такие политические деятели как Яцек Куронь и Адам Михник, а также и для таких левых католиков, как Тадеуш Мазовецкий союз с радикальными националистами был бы неприемлем. На Евромайдане же, как известно, дела обстоят иначе. Тот факт, что ряд радикалов из партии «Свобода», а также радикально-националистические группировки весьма влиятельного на Майдане «Правого сектора» играют такую активную роль в руководстве украинской революции, осложняет ее рецепцию на Западе, несмотря на то, что Евромайдан пользуется там не меньшей популярностью, чем в свое время Солидарность. Конечно, радикально-националистическое течение представляет только небольшой сегмент Майдана. И все же, под влиянием эйфории, вызванной победой демократической революции в Украине, нельзя закрывать глаза на то, что праворадикальный сегмент Майдана может стать серьезным вызовом для молодой украинской демократии.

И еще несколько слов о России. В то время как ЕС с самого начала противостояния на Майдане поддерживал контакты с обеими сторонами конфликта, кремлевское руководство идентифицировало себя исключительно с лагерем Януковича. Украинская оппозиция не существовала для него как политический актер. Владимир Путин повторил здесь ошибку, которую делали его советские предшественники в их политике по отношению к Польше до самого начала Горбачевской Перестройки. Они, как известно, делали ставку исключительно на своих партнеров – польских коммунистов. Именно поэтому в Варшаве, сразу же после лишения власти коммунистов, с тревогой смотрели в сторону Москвы. Повторение предыдущих угроз интервенции считали вполне возможным. Но ничего подобного не произошло. Потому что судьбами советского государства управлял тогда уже не Леонид Брежнев, а Михаил Горбачев, провозгласивший невмешательство в политику соседних стран одним из основоположных принципов своей внешней политики.

Совершенно иначе действуют сейчас, как известно, московские поборники «управляемой демократии», пытающиеся наказать Украину за сделанный ею «европейский выбор». Они идут таким образом по стопам не Горбачева, а Брежнева, говорившего об ограниченном суверенитете «братских» стран соцлагеря. Путин переносит эту доктрину на ряд стран «ближнего зарубежья».

В свое время (в апреле 2005 г.) Путин назвал распад Советского Союза «величайшей геополитической катастрофой XX века». Но одновременно он предостерегал от попыток восстановления распавшейся империи и обвинял тех, кто стремился к реставрации ушедших в прошлое структур, в наивности, т. е. в утопизме. Вмешиваясь во внутренние дела Украины и поощряя сепаратизм на востоке страны и в Крыму, российский президент как бы забывает свои собственные предостережения и пытается осуществить критикуемый им в прошлом утопический сценарий, по крайней мере частичного восстановления рухнувшей империи. Такого рода попытки повернуть вспять колесо истории, как правило, редко

завершались успехом. Судьба Югославии является здесь особенно наглядным примером.

4. Русские Европейцы

Стремление к приобщению к европейским «нормам» характерно не только для поляков, украинцев и других зависимых в прошлом от Москвы народов так называемой «забытой» части европейского континента, но, как известно, и для многих россиян. Им мы хотим посвятить вторую рубрику спецвыпуска нашего журнала.

Но является ли Россия европейской державой? Вопрос этот испокон веков будоражит умы и на Западе, и на Востоке. Петр Первый и Екатерина Вторая не сомневались в европейском характере России, и давали на этот вопрос положительный ответ. Но и на Западе многие мыслители с восторгом реагировали на попытку русских реформаторов приобщить полуварварскую с их точки зрения страну к торжествующим в то время в Европе идеалам Просвещения и ввести ее в сонм равноправных европейских держав. Конечно, были и скептики. Так, Жан Жак Руссо сомневался в удаче петровского замысла. Петр, с его точки зрения, слишком поспешил европеизировать несозревший еще для этого народ, который, как говорил Руссо, нуждался больше в дисциплине и муштровке, чем в приобщении к европейским идеалам.

Но и в России многие приверженцы чистоты православия не могли простить царю-революционеру того, что он сверг богоизбранный Третий Рим с пьедестала и превратил его, с их точки зрения, в задворки Европы, в страну, вынужденную догонять преуспевающий технически и экономически Запад. Для критиков Петра все эти достижения Запада абсолютно никакого значения не имели, так как он не обладал правильной верой.

Споры эти, как известно, длятся до сих пор. Им посвящали мы немало статей в нашем журнале, начиная с первого его выпуска в 2004 году. В последних номерах журнала мы уделяли особое внимание антизападным течениям в постсоветской России и их идейным истокам, так как после крушения горбачевских надежд на построение «общевропейского дома» они все громче заявляют о себе. Но нельзя забывать и того, что и русские европейцы, несмотря на то, что на рубеже веков они потеряли инициативу во внутрироссийском дискурсе, никогда полностью не покидали идейную и политическую сцену страны. Им, т.е. другой стороне вечного русского спора, мы хотим, начиная с этого выпуска журнала, уделить особое внимание. Но кто же они – «русские европейцы»? Являются ли ими приверженцы крайнего западничества, презирующие свою якобы отсталую страну и ее традиции? Конечно нет! Хотя русские европейцы очень ценят «и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений», но с особым внима-

нием и любовью они относятся к культурному своеобразию свой собственной страны, опирающейся на восточнохристианскую традицию и православную духовность. Европа – это для них двуликий Янус, немыслимый ни без своего западного, и ни без своего восточного облика. Они дополняют и обогащают друг друга, и увядают, если лишены возможности общения с другой частью этого единого целого. Пушкин и Владимир Соловьев, авторы сборника *Вехи* и издатели журнала *Новый Град*, Осип Манделъштам и Михаил Бахтин – это и есть яркие образцы русского европеизма, которому мы хотим посвятить новую рубрику журнала.

Часть этой статьи была переведена с немецкого Ларисой Лисюткиной